

Краинский Николай Васильевич

Новгородские кликуши и бесноватые

1900

Часть 1

Николай Васильевич Краинский (1869-1951, Харьков) — русский и советский психиатр. В 1896 в Московском университете защитил диссертацию на степень доктора медицины на тему: «К учению о патологии эпилепсий». В 1899-1901 гг. - директор Новгородской окружной психиатрической больницы. Ниже размещен фрагмент из книги: Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни. — Новгород: Губ. тип., 1900.

Вступив с сентября 1899 года в заведывание Колмовской психиатрической больницы Новгородского губернского земства, я имел случай познакомиться с кликушеством в Новгородской губернии, так как несколько больных пришлось наблюдать в больнице. В феврале же 1900 года я был командирован губернской управою в Тихвинский уезд, для расследования и принятия мер против возникшей там эпидемии кликушества, принявшей довольно тяжелый для населения оборот. Эти условия дали мне возможность еще ближе ознакомиться с кликушеством и дополнить приведенные выше наблюдения. Из шести кликуш, которых мне пришлось наблюдать в Колмовской больнице, я подробнее остановлюсь лишь на двух, представлявших некоторые особенности. Все кликуши, подобно описанным выше не представляли никаких изменений со стороны нервной системы, свойственных классическим истеричкам. Особенно подробно произведенное исследование поля зрения не показало никаких отклонений от нормы. Все эти кликуши приписывали свою болезнь порче, высказывали идеи бесоодержимости и были проникнуты обычными суевериями.

Для исследования они представляли тот интерес, что в больничной обстановке можно было произвести подробное клиническое исследование нервной системы и это исследование вполне подтвердило приведенные выше данные. Все кликуши были единичные больные, т. е. заболевшие вне эпидемий, и из разных уездов Новгородской губернии. Две из них представляли интересные особенности.

1) А.П. крестьянка Новгородского уезда, девица 32-х лет, поступила в Колмовскую больницу 30 января, выписалась 28 марта 1900 года. Женщина высокого роста, правильного сложения и хорошего питания. Самое подробное клиническое исследование нервной системы не показало никаких отклонений от нормы. Ни одного из телесных признаков истерии не было. Поле зрения, исследованное периметром д-ра Аша оказалось нормальным. При полном сознании, памяти и способности рассуждать логично, эта больная уже более 10 лет вошла в роль страдальцы, изнывающей под гнетом поразившей ее болезни. Наблюдение в больнице выяснило, до какой степени могут довести легковерную женщину суеверия, при совершенно здоровой нервной системе и при сохранении правильного механизма душевной деятельности.

А.П. рассказывала, что ее с 19 лет испортили. „Со времени стало у меня сердце болеть, сильно скука брала. Сначала все молчала, только приходила мне обида; сделалась такая гордая, злая. В церковь ходила, а как домой приду, — на себе волосы рву, иконы святые и священника ругаю. Однажды у Антония во время службы упала: тихо пролежала. Дали мне отлежаться и я встала. Трясло меня долго. В животе ворочалось, как мячик распределяется в бока. И свет мне не мил, так болезн мне эта надоела. По праздникам совсем ослабну и не могу спать. Наверно злой дух в середине сидит! Если бы можно операцию сделать, а то где его поймашь: он может въ ноготок уйти. Он духом вошел в человека, а может у него такую болезнь распределять, что и терпеть нельзя! Всякое мученье человеку причинить, чтобы душу его погубить. Восемь лет я въ церквах не кричала, а после 8-ми лет стала кричать. Это очень лукавая болезнь: я от него совсем ослабела. Это уж от Господа Бога есть такие люди посланы, чтобы проводить девушкою всю жизнь. Господь в таких людях (т. е. страдальцах) нуждается. Есть (т. е. колдуны) — со зла сделают. Бывает, что не мне лажено, а мне попало. Кричала я, что невинно страдаю, что лажено не мне, а брату и невестке. Бес выкрикнул: „я в петли сидел! В это время девушка несла пиво, я в ноги ей и вскочил!“. Все выкрикивала. Было во мне три беса севши. Кто его знает до каких пор он меня мучить будет. Раньше могла предсказывать. За несколько домов знала, что какая баба делает. Кричала последнее время на невестку, что от ей из кармана дано. Чародеи эти, если им время на свадьбе придет, не могут, чтобы кого-нибудь не испортить”.

По словам больной мать её тоже была кликушей. Была она испорчена: „ее на полосе во время жатвы укусила крыса за палець, она и заболела. Нашли человека, который от порчи помогал. Он велел сделать односуточного пива и от первесеньки (в первой раз отелившаяся корова) молока достать. Этим молоком ее поили. Колдун сказал: „если ртом пойдет, то ее задавит, поэтому

молите Бога, чтобы шло низом“. После этого вышла у неё низом палка в четверть — как камень; били обухом и не могли разбить ее, только искры сыпались“. Ей легче сделалось. Человек велел ей на новце месяца приехать, а если не приедет, то через 20 лет снова заболит“. Больная не поехала к колдуну вторично и через 20 лет болезнь действительно возобновилась. Вот та суеверная основа убеждений больной, которая, имея значение сильного внушения, довела больную в течение десяти лет до полной неспособности к работе и превратила ее в постоянно страдающую женщину без каких-либо реальных изменений в её организме.

Постоянные жалобы больной сводились на общее „расслабление“. Это заявление казалось просто смешным, когда исследовали ее прекрасно развитые мышцы. Она говорила, что ей „еды нет“, но ела прекрасно и за время пребывания в больнице прибавила в весе на 12 фунтов. Она, впрочем, была очень разборчива по отношению к пище и требовала особых блюд, ссылаясь на беса, который грубой пищи не переносит. Единственное явление, подтвердившееся исследованием, было болезненность живота, но и здесь следовало думать о переоценке нормальных субъективных ощущений. Больная очень охотно делилась со всеми своими жалобами. Она обижалась, если ей не верили, и не смотря на то, что она вовсе не отличалась глупостью, наивно доказывала, что окружающие не правы, говоря, что беса в ней нет. Она категорически заявила еще при поступлении в больницу, что докторам этой болезни не вылечить, и не хотела слушать никаких возражений. Это убеждение её было так сильно, что довольно многочисленные попытки загипнотизировать ее окончились полной неудачей. Она упорно сопротивлялась и лишь после очень продолжительных попыток удалось довести ее до состояния, когда она при полном сознании не могла открыть век.

Постоянные ежедневные жалобы подтверждались поведением больной. Ссылаясь на свое „расслабление“, она целые дни лежала в постели, и очень сердилась, если ей мешали лежать. Никакие убеждения не могли заставить ее работать. Она говорила, что для этого слишком слаба и даже обижалась, говоря что в больницу поступила не затем, чтобы работать. Истерических и кликушных припадков в больнице у неё не наблюдалось.

2) Второй случай очень интересен тем, что больная, мать которой тоже была кликушей, заболела припадками с 2-х летнего возраста. Эта кликуша, относительно которой подтвердились все выше приведенные указания, т. е. нормальность поля зрения, отсутствие расстройств чувствительности и других признаков истерии, была подробно исследована мною совместно с товарищами, ординаторами В.В. Крумбмиллером и А. А. фон-Фракеном и при

этом исследовании было тщательно проверено одно явление, виденное мною и у ащепковских кликуш, но не достаточно основательно там проверенное, а потому и не описанное выше. Эта кликуша безошибочно различала святую воду от простой, как скрыто мы ее ни давали. Каждый раз, когда ей подносили стакан с святой водой, она впадала в припадок, часто прежде чем попробует ее на вкус. Вода была свежая, крещенская (исследование было произведено в середине января). Наливались обе пробы в одинаковые стаканы в другой комнате и я подносил ей уже готовые пробы.

После того, как много раз повторенные опыты дали тот же положительный результат, я смешал обе пробы воды вместе, простую и святую, и налил их поровну в оба стакана. Тогда кликуша стала реагировать на обе пробы припадками. Ни одного раза она не ошиблась в этом распознавании святой воды. Вслед за тем я поднес к ней пузырек со святым маслом, привезенный мною из часовни св. Пантелеймона в Москве, и слегка помазал ей лоб. Немедленно кликуша впадала в припадок, хотя совершенно не была предупреждена о том, что у меня есть масло. На смазывание вслед за тем простым маслом из другого пузырька она не реагировала. Здесь выяснилось очень интересное обстоятельство, которое тогда было для меня неясно, но которое теперь, после нижеописанных опытов с ясновидением тихвинских кликуш, в моих глазах получает объяснение.

Я поручил одному лицу разлить масло из привезенного мною пузырька, в два других, одинаковых по внешнему виду, причем в один просил налить святое масло, в другой — простое. У нас в распоряжении таким образом имелось три пузырька. Опыты с оригинальным пузырьком из часовни св. Пантелеймона удавались безошибочно, но при опытах с сравнительным действием масла из других двух пузырьков было несколько ошибок, хотя в общем распознавание было правильно. Я должен отметить, что, относясь осторожно к научным опытам, я еще в начале, перед тем, как произвести опыт, пожалел, что я поручил вышеупомянутому лицу приготовить пузырьки с маслом.

Быть может и не основательно, я усомнился в добросовестности этого лица и не был уверен, что надписи на обоих пузырьках соответствуют их внутреннему содержанию. Эта неуверенность моя передалась и кликуше, которая несколько раз ошиблась. Припадки у этой кликуши скорее походили на чисто истерические и возобновлялись очень большое число раз. Иногда она лежала по несколько часов в непрерывных припадках. Она кричала на какую-то „Ольгу“. Боязнь святостей была очень резко выражена. Несколько других кликуш, которые в Колмовской больнице далеко не редкость, были нами

исследованы очень подробно и ни у одной из них не было обнаружено сужения поля зрения, расстройств чувствительности и других классических симптомов истерии.

Новгородские кликуши несколько отличаются от московских тем, что здесь кликушество не имеет тесной связи с жизнью монастырей. Духовенство не поддерживает здесь народных суеверий и отчитывание кликуш здесь не составляет доходного промысла монастырей, хотя там и можно встретить много кликуш. Как видно из нижеописанной тихвинской эпидемии, извращения религиозных верований играли в ней очень малую роль, идеи бесоодержимости были выражены очень слабо, а боязнь святостей была заменена боязнью табаку.

В начале февраля 1900 г. я был командированъ Новгородскою губернской управою въ дер. Большой Дворъ Тихвинскаго уѣзда гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, возникла эпидемія кликушества, принявшая серьезный оборотъ и грозившая народнымъ волненіемъ. Эпидемія эта возникла въ Тихвинскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30—40 отъ того мѣста, гдѣ въ 1879 г. была при сходныхъ условіяхъ сожжена кр-нка Аграфена Игнатъева, что заставляло смотрѣть на эту эсидемію не слишкомъ оптимитически. Командировка эта доставила мнѣ возможность познакомиться съ новымъ крайне интересные случаемъ кликушной эпидеміи и съ рядомъ интересныхъ фактовъ ясновидѣнія, обнаружившихся у тихвинскихъ кликушъ. Благодаря любезности предсѣдателя Тихвинской управы С.Г. Бередникова и В.Т. Ребовскаго, я имѣлъ возможность ознакомиться съ мѣстными бытовыми условіями, вліявшими на эпидемію.

Деревя Большой Дворъ, Сугоровской волости, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, расположена на берегу рѣки Сяси, въ 25-ти верстахъ отъ г. Тихвина и 115-ти верстахъ отъ станціи Чудово, Николаевской желѣзной дороги. Эта часть уѣзда покрыта лѣсами и лѣсной промыселъ составляетъ главное занятіе населенія. Большой Дворъ — деревня великорусскаго типа, с высокими, часто двухэтажными избами, довольно просторными и свѣтлыми. Вся деревня состоит из 25-ти дворовъ, съ населеніемъ около 150-ти человѣкъ. Население рослое, на вид здоровое, чисто великорусскаго типа. Ни особенного распространенія сифилиса, ни частыхъ эпидемическихъ болѣзней въ деревнѣ не отмѣчено. Въ культурномъ отношеніи населеніе стоитъ невысоко.

Взрослое населеніе, за исключеніемъ 6—10 человѣкъ, неграмотно и только лѣтъ 5 назадъ дѣти стали обучаться въ земской школѣ сосѣдней деревни Лепши. Населеніе бывалое и въ Петербургѣ, вообще же довольно смышленное и развитое. Особенной религиозности среди населенія не замѣтно; оно скорѣе

довольно холодно относится къ отправленію религіозныхъ обязанностей и чуждо религіознаго фанатизма. Многія женщины не знаютъ обычныхъ молитвъ. Въ церковь, находящуюся въ 6-ти верстахъ отъ деревни, ходятъ мало, особенно мужчины. Но зато суевѣрія среди населенія широко распространены: вѣрятъ въ колдуновъ, порчу, отъ которой лечатся у знахарей. Пьянства въ деревнѣ обычно нѣтъ; ближайшія винныя лавки на разстояніи 6-ти верстъ отъ деревни.

По свѣдѣніямъ Тихвинской уѣздной земской управы, Сугоровская волость въ экономическомъ отношеніи самая бѣдная въ уѣздѣ и по числу безлошадныхъ и по неимѣнію скота, стоитъ на 1-мъ мѣстѣ въ уѣздѣ). Объясняется это местоположеніемъ волости, которая тянется вдоль Новоладожскаго почтоваго тракта, почти отъ самаго города и вдоль Тихвинской системы, вблизи мѣста нагрузки дровъ въ Ново-ладожскомъ уѣздѣ; по всей этой мѣстности, какъ по бойкому мѣсту, прошла, конечно, полоса кабачества и кулачества, что вмѣстѣ съ не-вѣжествомъ и въ связи съ дурными надѣлами и привычкой жить минутой, способствовало обѣдненію паселенія. Отчасти объясняется безлошадность и тѣмъ, что промысель лѣсной, не требуетъ помощи лошади, такъ какъ лѣтомъ и осенью была работа и у рѣки, гдѣ занимаются лодочничествомъ. Въ общемъ, однако, населеніе живетъ не бѣдно—пьютъ чай почти всѣ, ѣдятъ и мясо. Недоимокъ нѣтъ.

Въ числѣ домохозяевъ деревни живетъ 4 брата. У одного изъ нихъ — Никиты Федорова, 65 лѣтняго старика, хорошаго работника и исправнаго хозяина, есть дочь Марфа, которой теиерь 29 летъ. Лѣтомъ настоящаго года она вышла замужъ за крестьянина сосѣдней деревни, котораго старики приняли къ себѣ въ домъ. Въ 1891 году, когда Марфа была еще дѣвушкой, она вмѣстѣ со своими односельчанами была на сѣнокосѣ, верстъ за 12 отъ деревни. Вмѣстѣ съ Марфой тамъ находилась и другая дѣвушка, изъ той же деревни, Аграфена Васильева, съ которой она была до того времени дружна. Разъ какъ-то Марфа попросила одного парня поколотить ей косу. „Откуль ни взялась, по словамъ Марфы, Грушка и стала из-за рѣки кричать: не колоти ей косу, она тебя срамитъ по всей мѣстности, что ты плохо косы колотишь“. Марфа сказала: „Грушка, ты никакъ с ума сошла, ты сплѣтки какие-такіеводишь? “ Девушки поссорились. Отець парня сказалъ: "На эти рѣчи тутъ не надо ничего глядеть, а дѣвушкамъ косы надо колотить". Аграфена кричала: „не будетъ онъ косу колотить".

Черезъ неделю Марфа вернулась въ деревню, а Аграфена уже въ деревне сидитъ на привязи. Марфе объявили, что Грушка на нее кричитъ, будто она ее спортила. Народъ говорилъ Марфе, „ты сходи къ ней", но отецъ не пустилъ ее.

Грушка „была къ стѣнѣ прибита, всяко бросалась, проболѣла двѣ недѣли и померла. По смерти Аграфены всякіе разговоры прекратились и жизнь въ деревне текла по-прежнему, мирно. Года черезъ два вдругъ занемогла крестьянка Аграфена Романова, около 60-ти лѣтъ. По словамъ последней, они „в огороде были, капусту садили, вот тут у женщины разсада потерялась. Женщины говорили, что разсаду унесла мать Марфы, а я и скажи ей: „как вамъ не стыдно разсаду красть"! Ну, ейна мать и схватилась со мной. Она сказала тогда: „будет у васъ понос". Вскоре Аграфена занездоровила: „внутри заболело, все поносомъ брало — и теперь, кормилецъ, время придет поносъ — вотъ такъ маялась все лѣто. Потомъ въ церковь не стало пускать: „куделит, куделит, ужъ какъ свалит, тогда и не помнишь".

Перестала в церковь ходить. Выкликивать на них не выкликала, а только „та, та, та"... на разные голоса. Болело все, и в ушахъ было сделавше, что на высокіе голоса пищало". На второй годъ болѣзни стала ходить къ знахарю Соколову въ Тихвинь, который помогаетъ отъ этой болѣзни. Соколовъ — колдунъ, объяснилъ, что болѣзнь эта есть порча и подтвердил, что Аграфену испортила Марфа. По деревнѣ снова пошла молва: „Грушка стравлена опять. Марфу всяко срамили и говорили ей: „на встречу Грушкѣ не попадайся". Со времени болѣзни Аграфены, на Марфу оговоръ пошелъ, что дальше, то больше: „которая чѣмъ не заможетъ, все на меня говорят, что я испортила". Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ убѣжденіе со стороны населенія въ томъ, что Марфа испортила Аграфену, совершенно укоренилось. Аграфена Романова была твердо убѣждена въ своей порчѣ и многихъ женщинъ убѣждала, что и онѣ испорчены, какъ скоро кто-нибудь изъ нихъ заболѣвалъ. »

Однако рѣзкаго проявленія недоброжелательства со стороны населенія по отношенію к Марфе и ея семье не было. Летъ 8 назад заболѣла въ той же деревнѣ крестьянка Анна Федорова: „болѣло подъ грудями, лекарства не помогали. Годовъ 5 назад вакурили табаку, меня свалило и начало теревить. Тогда уже и обнаружилось: всѣ крещены видятъ, что ужъ. Съ того времени не стала табаку переносить". На Марфу выкрикнула года 4 тому назадъ: „раньше на нее другие кричали! да, вѣдь как же: помершие есть“. Въ сентябрѣ 1898 г., по рассказу Анны: „на Михайлов день, побывала она (Марфа) у меня въ избѣ, попросила у меня ступку. Я отказала ей, говоря, что ступки у меня нѣтъ. Марфа постояла да и пошла домой". Анна потомъ принесла дровъ и истопила печку. „Какъ растопилась печка, такъ оттуль огненный клубъ ажъ до самага окошка выпырнуль! Ужъ какъ было не спугаться: меня и схватило; не помню, что и было. Гдѣ ужъ помнить: тутъ и память отобьет всю. Въ первый разъ я не знаю, когда она мнѣ сладила, второй — у печки, а третій — в банѣ подновила“. Съ

того времени Анна твердо была, увѣрена въ томъ, что испорчена Марѳою, но особенно рѣзкихъ проявленій злобы с еѣ стороны по отношевію къ Марфѣ не было.

Весною 1899 г. произошелъ рѣзкій поворотъ въ отношеіи всего населенія къ Марфе, разразившійся появленіемъ цѣлой эпидеміи кликушества въ деревнѣ Большой Дворъ, повлекшей за собой крайнее возбужденіе среди населенія всей деревни. Въ маѣ мѣсяцѣ Марфу стали сватать крестьянин сосѣдней деревни Сергѣй; родные Марфы обѣщали взять его въ домъ и свадьба состоялась послѣ Петрова двя. По деревнѣ пошли разговоры и жениха предупреждали, что Марфа колдунья, а послѣ свадьбы стали еще пуще говорить, зачѣмъ Марфа мужа въ домъ приняла. Лѣтомъ, около Ильина дня, занездоровила крестьянка Анна Григорьева. Она боронила въ полѣ, когда загремѣлъ громъ. Анна упала безъ памяти и не помнила, что съ ней было. Потомъ „ее свалило,, не могла больше ходить". Народъ сталъ къ ней ходить и говорить, что она стравлена. Снова общее вииманіе обратилось на Марфу, о свадьбе которой было недавно столько разговоровъ. Народъ не советовалъ Марфе ходить к Анне, предостерегая, что та „сгребет еѣ“. Марфа, однако, пошла къ больвой и все обошлось благополучно. Вражды между женщинами не было.

Вместе с разговорами со стороны населения, обострилось и болезненное состояніе кликуш. Привезли в деревню колдуна Соколова, который подтвердил, что болезнь есть порча, и что стравлены больные Марфою. В июле же 1899 г. заболела и девочка 13-ти лет, Ольга Степанова. Одна после другой, после сенокоса, скоро после свадьбы Марфы, заболели Елена Иванова и Александра Васильева. Возбужденіе населения против Марфы и еѣ семьи усилилось. Не стало проходу ни сестрам Марфы, ни даже скотине их. Постоянно упрекали Марфу, угрожали расправиться с ней, били их коров палками. Иные обходили их двор. Около Ильина дня два крестьянина — Андрей Матвеев и Степан Васильев, во время пожара в деревне, набросились на Марфу, избили еѣ и разорвали еѣ одежду. За это судились в волостном суде и были подвергнуты аресту на 1-2 дня. Марфу часто обзывали колдуньей. Некоторые крестьяне грозили сжечь двор Марфы так, чтобы пеплу не осталось, а другие грозили еѣ из ружья убить.

В октябѣ 1899 г. в Тихвинѣ Марфа и еѣ отецъ встретились в харчевне с колдуном Соколовым и стали упрекать, зачѣм он на них напраслину взводит. Соколов посоветовал угостить его, дав пуд муки и водки: „тогда бы и дочка твоя в оговоре не была". Так и разошлись. Зимой 1899/1900 г. эпидемия кликушества въ деревне Большой Двор развилась в полной силѣ, а озлобленіе

и возбуждение населения достигло крайнего напряжения. Для жизни всего населения, равно как для кликуш и семьи Яшиной колдуньи, эта эпидемия составляла настоящее бедствие. Взаимная вражда, доходящая до ненависти, постоянные распри, боязнь новых заболеваний и развитие суеверного страха совершенно надорвали нравственные силы населения. Общественное мнение стало изменчивым и наэлектризованным, толпа готова была по первому знаку совершить самую безумную расправу. Страдала семья мнимой колдуньи и нравственно, и материально: с ними перестали делиться по соседски всем необходимым, не желали на весну пасти их скот в общем стаде и обещали не пропустить никого из семьи к общему перевозу на плоту через реку. Страдали и кликуши, которые временами становились совершенно неспособными к работе. Домашнее хозяйство их шло плохо, а молва и озлобление все росло. Крестьяне говорили, что эта болезнь им „во какъ тяжело приплась". Всё указывало на то, что в скоромъ времени следует ожидать кровавой катастрофы, подобной бывшей в 1879 г. в деревне Врачево, того же Тихвинского уезда.

Часть 2

<https://philologist.livejournal.com/10573640.html>

Подробное исследование кликуш и запись историй их заболеваний, показало следующее:

1. Аграфена Романова, старуха 65-ти лет, худощавая, с морщинистым, добродушным лицом, очень бойкая и подвижная, словоохотлива. Суеверная до фанатизма, она очень охотно рассказала тоном глубокого убеждения повесть о том, как она заболела и как убедилась в том, что ее „спортит Марфа". Аграфена — первая из заболевших кликуш. Муж, по её словам, еще холостым „был порчен гораздо, на всякий манер кричал". У неё было 12 детей и все роды протекали правильно. Подробное исследование нервной системы не показало никаких отклонений от нормы. Поле зрения было нормально, расстройств чувствительности не замечалось.

Коленные рефлексы слегка повышены. Бывает, по её словам, головокружение. Из субъективных жалоб — боль в животе и часто „трясет". „Я вся больна. В животе как ножом режет, голова и все болит; так, видно, и околеешь такую". При свидании с мнимой колдуньей, в моем присутствии, говорила ей наставительно насмешливым тоном: „ты уж этих дел научивши! Да и каяться надо"! Марфа отвечала ей: „Напротив Господа Бога не пойдешь! я и к священнику хожу".

— Да у тебя и Бога-то нет, настойчиво упрекала ее старуха. Не одна я говорю. А почему раньше, не случивши, никто не говорил и все хорошо было в деревне, а теперь все оказии пошли.

Твердо убеждена в том, что ее испортила Марфа: „Она, она испортила! хоть сейчас присягу приму, она"! Убеждена в этом потому, что Марфа ей припадок предсказала. Со стороны душевной сферы Аграфена представляется женщиною очень мало развитою и крайне суеверною. Болезнь выражается главным образом тем, что больная не переносит табаку и если кто-либо закурит, впадает в припадок. Идеи бесоодержимости очень смутно формулированы, хотя боязнь святостей также замечалась в начале болезни. Потом в церковь не стало пускать: „куделит, куделит, уж как свалит, тогда и не пойдешь". Перестала в церковь ходить. Выкликать на них не выкликала, а только „та, та, та"... на разные голоса. Болело все, и в ушах было сделавши, что на высокие голоса пицало". На второй год болезни стала ходить к знахарю Соколову в Тихвин, который помогает от этой болезни".

После того, как впервые колдун Соколов объявил ей, что она испорчена Марфой, Аграфена побывала у него еще 8 раз: „он воду ладил, спрыскивал ее, в баню ходила"... „он не то что худобами, а все молитвами лечит"... Ей стало легче: „оно теперь мне хоть терпенье есть, припадков не бывает, как Алексей новорожил. Стала в церковь ходить, только навалится на меня на загривокъ в церкви, а все выстою, уже не сваливает". Табак и теперь плохо переносит, особенно нюхательный. Раньше трясло от табаку, теперь же „только положит". Всего больна она лет семь, но года три уже как ей стало по легче. При мне припадков у Аграфены не было. Она охотно просила полечить ее и оказалась очень склонною к гипнозу. Заснула с первого раза, через 10 секунд после однократного предварительного внушения. Анестезия и каталепсия получились без помощи внушения. Рефлексы и механическая возбудимость мышц во время гипноза были несколько повышены, как и в бодрственном состоянии. После припадка не помнила даже о том, что спала, но сказала, что не могла открыть глаз. Во время гипноза упорно молчала. Было сделано лечебное внушение.

2. Анна Григорьева 25-ти лет, на вид молодая и здоровая женщина. При первом свидании со мною, вошла в комнату сильно взволнованная. Говорила медленно, имея томный вид и заявляя, что ей тяжело. Лицо красное от волнения. Подробное физическое исследование не обнаружило со стороны нервной системы отклонений от нормы, типичных для истерии. Заболела она полтора года тому назад. „Сначала все болело, аппетита не было, а время придет, меня схватит и трясет, всю ломает“. В церковь не ходила с июля 1899

г. потому, что „как Иже херувимы запоют“, так темно делается в глазах, ослабну и упаду без памяти“. Не могла также переносить табаку. Болезнь проявилась резко после 20-го июля 1899 г. На Ильин день она боронила в поле, в это время грянул гром и она без памяти упала на землю. После того с ней стали повторяться настоящие кликушные припадки: она падала, выкрикивала на голоса, билась. Очень томится своею болезнью и желает получить излечение. О припадках она ничего не помнит. По ее словам, она временами делается злою, бывает тоскливо на душе, хочется плакать; почти постоянная боль под ложечкой, но globus hystericus нет. По характеру Анна женщина добрая. Она не обвиняет настойчиво Марфу в причинении ей порчи, но все ее окружающие непоколебимо убеждены в том, что она околдована Марфою. Много лечилась, между прочим, у колдуна Соколова в г. Тихвине.

Анна оказалась типичною сомнамбулой. Заснула сразу, после счета до десяти, глубоким сном. Здесь были на лицо все явления, подробно описанные выше у ащепковских кликуш. У этой сомнамбулы удался переход в каталептическую фазу гипнотического сна. Анна продолжала глубоко спать с открытыми глазами, которые были устремлены в пространство. Зрачки реагировали на свет, но в этом периоде, как и в сомнамбулическом, не замечалось изменений рефлексов и повышения механической возбудимости мышц. Строго говоря, эта фаза ничем не отличалась от сомнамбулической, кроме того, что глаза оставались открытыми, причем кликуша едва ли воспринимала зрительные впечатления. По крайней мере, она не реагировала на них, аккомодация отсутствовала и взгляд был неподвижно устремлен в пространство. Особенный интерес данного случая состоит в том, что здесь с несомненною ясностию были обнаружены явления ясновидения.

Эти явления выступали лишь в периоде глубокого гипнотического сна и исчезали, если сон становился более легким. Надо заметить, что эта кликуша, подобно всем другим, во время гипнотического сна слепо подчинялась лишь моей воле и исполняла лишь мои внушения, хотя на этот счет я ни одной из кликуш специального внушения не делал. Как уже я заметил выше, ни одна из кликуш не отвечала в сомнамбулическом состоянии на вопросы и все они упорно отмалчивались, не смотря на энергические внушения. Это очень затрудняло исследование явлений ясновидения и потому я начал свои опыты с так называемых двигательных внушений.

Как известно и отмечено выше, кликуши обладали чрезвычайно большою внушаемостью. Основываясь на этом, я при первом ряде опытов, садился против спящей глубоким сном кликуши и внушал ей, говоря, что она видит, не смотря на закрытые веки, предмет, который я держал в поле ее зрения, и

что она берет его своею рукою. В начале я при этом держал в своей руке ее руку, как это делается при обычных опытах с чтением мыслей и сильно сосредоточивал свое внимание, вызывая в своей душе ясное представление того движения, которое кликуша должна была выполнить, и повторял при этом внушение, говоря, „рука твоя движется и берет предмет“. Через некоторое время рука кликуши очень медленно и постепенно начинала двигаться по требуемому направлению, при этом она как бы находилась в состоянии каталептической ригидности и подвигалась толчками, параллельно с тем, как сосредоточивание моих мыслей усиливалось.

Направление движущейся, сначала очень медленно, руки с самого начала было правильное, словно кликуша видела перед собою искомый предмет и приостанавливалось, сохраняя неподвижное положение, когда мои мысли отвлекались. Затем кликуша выполняла предложенное ей требование и брала искомый предмет. С каждым разом опыт удавался легче и требовал, с моей стороны, меньшего напряжения внимания. Когда я убедился в том, что эти опыты удаются, я выводил искомый предмет из поля зрения сомнамбулы, чтобы проверить, не имеется ли здесь дела с резкой гиперестезией зрения... При той же постановке опыта, рука сомнамбулы, после внушения, безошибочно направлялась в сторону и брала со стола требуемую вещь. Движение, по-прежнему, было медленно и напряженно, точно рука была пружинная.

Имея в виду сделанные в специальной литературе объяснения чтения мыслей, так называемым, двигательным внушением, т. е. передачею через прикосновение мелких неощутительных толчков, заставляющих испытуемого субъекта произвести требуемое движение, я повторил опыт на расстоянии, совершенно не прикасаясь к кликуше. Результат получился прежний; кликуша выполняла требуемые действия так, словно ей хорошо было известно местонахождение предмета. В первых опытах я фиксировал своим взглядом закрытые глаза кликуши, но позже я лишь следил за движениями ее руки. С дальнейшим повторением опытов, они удавались все легче и скорее, хотя с несомненною ясностью выяснилось, что выполнение ее действий стоит в несомненной связи с психическою деятельностью экспериментатора и степенью напряженности двигательного представления, вызванного в его мозгу.

Замечено было, что если я отвлекался и недостаточно сосредоточивался, то движение кликуши приостанавливалось. Интересная особенность состояла в том, что после повторения опыта, когда предмет перекладывался в другое место, кликуша, если я недостаточно сосредоточивался, повторяла

предыдущее движение. направляя руку по прежнему следу. Для того, чтобы изменить направление, я должен был сильнее сосредоточиться и, как бы пересилить ее движение, направив его на новый путь. Это подтверждает предположение о том, что сомнамбула в этом состоянии совершенно лишена воли и действует автоматически.

В дальнейших опытах кликуша выполняла движения все легче. Если я вкалывал себе в платье булавку, она решительно и довольно быстро вынимала ее, не ошибаясь, пока я достаточно сосредоточивался на требуемом движении. Если я вкалывал булавку в платье другим лицам, находящимся в комнате, сомнамбула вставала с закрытыми глазами, подходила к искомому лицу и вынимала ее. При этом я мог сидеть в стороне и даже не смотреть на нее. Достаточно было просто сосредоточиться и вызвать в своей психике зрительное представление лица и места, где воткнута булавка, и того движения, которое должна выполнить кликуша.

Когда, таким образом, обнаружилось, что сомнамбула в этом периоде сна выполняет все те действия, которые экспериментатор представляет себе, стало интересным выяснить, знает ли кликуша, где лежит предмет и есть ли у нее в психике зрительное представление этого предмета. Как уже много раз было упомянуто выше, кликуши, в сомнамбулическом состоянии, на вопросы не отвечают. В виду того, однако, что период сна, в котором кликуши обладали ясновидением, был необыкновенно глубокий, я продолжительно и настойчиво требовал, чтобы кликуша отвечала мне. Это удалось после долгих усилий. Сначала долго губы беззвучно двигались; казалось, что говорить кликуше в этом состоянии необыкновенно трудно. Лицо ее изображало глубокое страдание и часто слезы катились по неподвижным щекам, а на лбу выступал пот. Позже она стала отвечать очень медленно, тихим голосом и односложно.

Эта серия опытов была поставлена таким образом, что не заставляя спящую сомнамбулу выполнять никаких движений, я спрашивал ее где лежит данный предмет, и внушал, говоря, что ей это известно, что она его видит и должна ответить мне. Как только удалось добиться от кликуши ответов, они были правильны. Где бы ни спрятали предмет, совершенно вне поля зрения кликуши, она отвечала правильно, где он, и называла лиц, у которых он находится. Если я за своею спиною перекладывал предмет из одной руки в другую и спрашивал кликушу, в какой руке у меня предмет, она всегда отвечала правильно. Но когда я держал предмет обеими руками, и спрашивал кликушу, в какой руке он находится, она затруднялась ответить и несколько раз гадала. Если я прятал предмет у себя в кармане и говорил кликуше, чтобы она его взяла, она сразу и безошибочно находила его.

В этих опытах, как и в предыдущих, необходимо было, чтобы я знал, т. е. имел в своей психике то представление, которое я требую от кликуши. Третья группа опытов состояла в том, что я брал в кулак монету и, поднося ее к закрытым глазам кликуши, требовал, чтобы она назвала монету. Опыты эти удавались хорошо. Она, не имея возможности видеть монету, называла ее правильно. При этом, однако, было заметно, что эти опыты сильно утомляли кликушу, лицо ее принимало более страдальческое выражение, и она просыпалась. Когда сон становился легче перед пробуждением, кликуша начинала ошибаться, быстрее отвечала на вопросы и гадательно называла достоинство монеты. При всех опытах обнаруживалось, что с ослаблением сна, явление ясновидения исчезало. Этими фактами ограничивались явления ясновидения, которые можно было проверить точно. Наблюдали мы их совместно с д-ром Я.М. Белым. Некоторые другие явления не были постоянными, хотя я не думаю, чтобы они ограничивались вышеописанными. О всем периоде сомнамбулического сна во время ясновидения у кликуши по пробуждении наступила полнейшая амнезия.

Анна уже много лет лечилась от своей болезни сначала „водичкой от Иоанна Кронштадтского, а потом у колдуна Соколова в Тихвине, и по ее словам, ей стало несколько легче. После первого исследования и опытов с ясновидением Анна очень сильно утомилась. Я сделал ей лечебное внушение, в котором сказал ей, чтобы она приехала ко мне на следующий день и что завтра она совершенно исцелится. На следующий день в усадьбу, где я остановился, приехал мужь больной и сказал, что Анне очень плохо. Хотя припадков не было, но она всю ночь томилась, не спала и теперь лежит расслабленная и без памяти. Я, не смотря на это, велел ее привести, и кликушу через 2-3 часа привезли совершенно расслабленную и на матраце внесли в комнату. Я ее утешил, сделал внушение и, пробудившись после двухминутного сеанса, Анна вышла совершенно бодрая, здоровая и веселая, взвалила себе на плечи тюфяк, на котором ее внесли 5 минут тому назад и весело уехала домой с мужем.

2. Анна Федорова, 50-ти лет, еще совершенно бодрая, энергичная женщина, с умным, выразительным лицом, очень бойкая, добродушная и разговорчивая. В самый момент нашего приезда в деревню, Анна лежала в состоянии сильного кликушного припадка. Нам заявили, что она не может придти к врачу потому, что „ее трясет и колотит, и лежит она без памяти. Мы отправились к ней и, подходя к избе, еще издали слышали отрывочные крики. В маленькой комнате, за перегородкой, на разостланном на полу соломенном матраце,

лежала Анна в состоянии сильного припадка, а дюжий мужик, навалившись на нее, со всею силою, держал ее, не давая биться.

Кликуша лежала на спине с зажмуренными глазами и с силою трясла и колотила руками. В жевательных мышцах замечались быстрые движения и нижняя челюсть быстро тряслась; часто слышался скрежет и щелканье зубов. Лицо было инервировано правильно. Мимика выражала злость; цвет лица изменений не представлял. Зрачки были нормальны и реагировали на свет, механическая возбудимость мышц была повышена также, как и вне припадков; коленные рефлексy нормальны. Движения имели характер быстрого трясения, периодически усиливающегося. Живот был сильно напряжен и выпячен вперед, но метеоризма не замечалось; по окончании припадка живот опал без предварительного отхождения газов. Пульс 120. Кликуша дико выкрикивала на разные голоса, сначала нечленораздельные звуки, затем несколько отрывочных фраз по адресу Марфы, которую обвиняла в порче. Далее она даже отвечала на вопросы и объясняла свое обвинение в порче против Марфы.

Устранив „державшего“ ее мужчину, я выждал пока кликуша немного успокоилась, закрыл ей глаза, и, слегка надавив пальцами на веки, приказал ей спать. После повторенного 2-3 раза внушения, она не могла открыть глаз. Минуты через две она впала в глубокий гипнотический сон. Под влиянием внушения о том, что припадок прекращается, последние подергивания в личных мышцах прекратились, дыхание стало глубоким, ровным, и кликуша совершенно успокоилась. Получилась полная анестезия, без предварительного внушения, но каталепсии самостоятельно не получилось, для этого потребовалось специальное внушение. Было сделано лечебное внушение о том, что, проснувшись, Анна будет здорова, спокойна и бодро себя почувствует, что припадки больше не возобновятся, что порча вся из нее вышла и что в 4 часа она придет ко мне. Проснувшись, Анна ничего не помнила о бывшем с нею и встала сразу бодро, как ни в чем не бывало.

В 4 часа, согласно сделанному внушению, она пришла ко мне и представляла на вид бодрую и веселую женщину, вполне здоровую, ничего общего с видом беснующейся кликуши, которую она представляла утром, не имеющею. По словам Анны, она вчера с утра была все „в задумьи: нутро чувствовало вас. Боль узнает уже. А как приехали, так сразу и стало, и не знала, чего ревели“! Здесь встретилось, следовательно, то же явление, которое отмечено в ащепковской эпидемии, предчувствие кликушами моего приезда, о котором они заранее не могли знать. По словам Анны, она вообще предчувствует приезд въ деревню докторов. „Бывало, как Тихвинский

Алексей Михайлович (колдун Соколов) придет, так и узнаешь: так и разбудит меня, и запрыгает там. Эта боль уже знает докторов. Пока здорова я была, так хоть бы что! А теперь вот до чего било, что руки все повыломало.

Заболела Анна уже лет 8 тому назад. По ее словам, ее „трепало, когда как. Когда заговорят про колдунов каких или про святых, так и свалит меня: не могу переносить этого. Как Богородица (т. е. крестный ход) придет, так и шабаш. В церковь потому не хожу: как „Иже херувимы" запоют, так и свалит“. Описывала, как ее испортила Марфа, рассказала: „Просто расслабление сделалось: уж у ней тут положено было! Не дров чурка! А если маленький кусочек положен, поди, знай чего? — так разве его увидишь"? Она убеждена, что Марфа околдовала дрова, которыми она топила печь, подложив в них зелья. „Спортила меня она!“ - уверенно говорила Анна. „И она мне и сейчас противна, и на встречу ей не попадаюсь. Анна не знает, что именно она на Марфу выкрикивает. „Волит все, вся расслабну, ни в чем владенья нет. Заходит, заходит внутри, тады и свалишься!

На вопрос о том, что же там у нее внутри, Анна дала очень неопределенные ответы: „Увидишь разве там“?! Ясно идеи бесоодержимости не высказывает. На вопрос, почему в церковь ходить не может, ответила: „сама не иду. Как „иже херувимы" запоют, так меня и свалит, года три у причастия не была". На святую воду не реагирует и пьет ее с целью лечения. Медико-психологическое исследование Анны не показало никаких отклонений от нормы. Признаки типичные для истерии отсутствовали; поле зрения и чувствительность нормальны. Со стороны психики навязчивое состояние в форме боязни табаку и святостей, но без ясно формулированных идей бесоодержимости. По характеру добродушна и искренна. Припадки часты и выражены в сильной форме.

По отношению к гипнозу Анна оказалась очень чувствительной сомнамбулой. Она легко впадала в сонь, и здесь наблюдалась вся совокупность явлений, описанных многократно выше, типичных для кликуш. Сонь был у нее очень глубок. Подчинение моей воле было полное. Ее удавалось перевести в каталептическую фазу с открытыми глазами, но, подобно предыдущей кликуше, открытые, неподвижно устремленные в пространство глаза, составляли единственный отличительный признак обеих фаз гипнотического сна. Рефлексы были без изменений, изменений механической возбудимости мышц не замечалось. Подобно остальным кликушам, Анна в сомнамбулическом состоянии на вопросы не отвечала.

В периоде глубокого сна у Анны совершенно точно можно было установить наличность ясновидения в форме чтения мыслей и двигательных

внушений. У ней с полной точностью повторились все опыты, описанные выше по отношению к предыдущей кликуше. Она выполняла требуемые движения и брала рукою предметы, которых не могла видеть чрез закрытые веки и не находящиеся в пол зрения. По мере того, как мои мысли сосредоточивались на образном представлении движения, которое кликуша должна была выполнить, рука ее медленно и напряженно двигалась, словно ее притягивал к себе искомый предмет. Удавались эти опыты одинаково, держал ли я кликушу за руку, или находился от нее на некотором расстоянии. Я внушал Анне, что она видит искомый предмет и, спрятав его где-нибудь в комнате, или передав кому-либо заставлял ее взять его. Кликуша вставала и уверенно и сразу брала предмет. Необходимым условием удачи опыта была достаточная степень сосредоточенности моих мыслей. Видимо эти опыты были тяжелы для Анны. Лицо ее изображало страдание и, по временам, по щекам текли слезы.

Когда после долгих внушений мне удалось ее заставить говорить, она отвечала тихо, медленно, с усилием и односложно. Подобно предыдущей кликуше, она правильно называла монету, находящуюся в руках, правильно отвечала, где находится искомый предмет и лицо, которое его спрятало. Способность ясновидения свойственна лишь самому глубокому сомнамбулическому состоянию. По мере ослабления сна, кликуша либо начинает гадать и ошибаться, и тогда очень скоро просыпается, или перестает отвечать на вопросы. В этом опыте, как и в предыдущем, выяснилось, что кликуша выполняет лишь то, что экспериментатор думает и представляет в своей душе. Сомнамбула является лишь орудием, выполняющим чужую мысль. В ее мозгу как будто индуцируется представление, и мысль, вызванная в мозгу экспериментатора, приводится в исполнение благодаря повышенной внушаемости. Ясновидение простирается лишь постольку, поскольку возникающая мысль сомнамбулы имеется в мозгу экспериментатора.

Различие между гипнотическим внушением и ясновидением то, что в первом случае представление и мысль воспроизводится через посредство слов экспериментатора, при ясновидении же мысль экспериментатора воспроизводится в душе сомнамбулы, не будучи ей выражена словами, а каким-то невидимым образом. Она, так сказать, индуцируется на подобие того, как индуцируется электрический ток в спирали Румкорфа. При таком предположении, явления ясновидения объясняются просто и совершенно теряют свой таинственный, сверхъестественный характер. После сеанса Анна ничего не помнила о происходившем с нею. Лечебное влияние внушения было вполне благоприятное.

3. Ольга Степанова, 12-летняя девочка, еще совсем ребенок, правильно сложена, хорошего питания, но с резко выраженными явлениями кликушной болезни. Больна она уже три года, „брюхо надует и ноги отоймет“, но начала кричать, и припадки появились с июля 1899 г., после того как заболели две предыдущие больные. Она часто плачет, испытывает неопределенный страх и говорит, что „не может терпеть Марфы“. Болит и кружится голова. Не может переносить табаку, при запахе которого впадает в припадки, которые бывали часто, почти через день. Она падала, ее трясло. Кричала больше по ночам и обвиняла в порче Марфу: „сделала, сделала Марфушка, не на меня ладила, а я попала“. Не стала в церковь ходить: придет на службу, да и упадет, не может встать. Возили ее к колдуну Соколову, и ей стало полегче: „он поворожил, попарил, в баню сводил. После того пошла и к Богородице. Соколов приезжал в деревню и еще два раза ворожил, но совсем ее не вылечил: и теперь с ней бывает: „животъ вздымается так, что она говорит: „мамка, я никак брюхатая“, а потом и опадет. Святости теперь переносит.

Мать больной твердо убеждена, что ее испортила Марфа. „Пока «она на нее не выкричала, мы не думали, что она ее испортила, а с того времени уж еще бы не думать, если выкричала!“ Отчего дочь в церковь не ходит, объяснить не может: „говорят, что в них враг сидит“. Сама девочка на вопрос, не сидит ли в ней враг, отозвалась неведением. До возникшей эпидемии обе семьи жили дружно и ссор не имели. По словам мнимой колдуньи Марфы, «она даже „Богу за ейнаго отца молится“, потому что он помог им однажды корову из болота вытянуть. „Богъ знает, с чего оговор взялся“.

При мне сильных припадков у Ольги не было, но она плакала, волновалась и ее „трясло“, т. е. в конечностях и голове наблюдалась довольно быстрая дрожь. Подробное физическое исследование не показало никаких отклонений в нервной системе. Со стороны психики: частое волнение, безпричинный страх и навязчивое состояние в форме боязни святостей и табаку. По отношению к гипнозу, как и все другие кликуши, оказалась типичной сомнамбулой, со всеми явлениями, многократно описанными выше. Как особенность следует отметить, что анестезия без внушения самостоятельно не наступила; она реагировала на уколы, поднося к месту нанесения раздражения руку, пока не было сделано соответственного внушения. Лечебный эффект внушения был вполне благоприятный.

4. Фекла Романова 50. л., замужняя, больна три года. Историю заболевания рассказывает так: „Пришел однажды батюшка служить службу, ну, я и заревела. Не знаю, что случилось. Заболело под грудями. Рёв такой сделался, что все бы ревела, что силы есть. Сперва трясло, всю ломает: не помню ничего.

Брюхо, — что тяжелая, вздувается. Не могла ходить в церковь. Ходила в город лечиться к колдуну Соколову. И он говорит — спорчена. Как нездоровела, незалюбила табак“. На вопрос, кто у нее внутри сидит, ответила: „Господь его знает! Теперь, думаю, никого там нет. Надувало брюхо, а не знаю, кто сидит! В утробе разве узнаешь, кто сидит“! В настоящее время боится табаку и жалуется на боль под ложечкой. Бывают припадки кликушества не часто. В пылу общего увлечения, также приписывает свою болезнь порче, причиненной ей Марфой, хотя раньше с ней никаких ссор и вражды не имела. Как и у всех других кликуш в нервной системе никаких отклонений от нормы у Феклы не обнаружено. Со стороны психики она мало развита, суеверна. Как постоянный признак болезни — навязчивое состояние в форме боязни и нетерпимости к табаку. По отношению к гипнозу Фекла оказалась типичной сомнамбулой, у которой были установлены все явления, описанные многократно выше. Лечебное внушение было благотворно, и, проснувшись, она сама курила папиросу.